

А. И. Ермаков

Подлинные записки
Алексея Ивановича
Ермакова

А. И. Ермаков
Подлинные записки Алексея
Ивановича Ермакова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20097375

ISBN 9785447486846

Аннотация

А. И. Ермаков (1866 – 1942) описывает быт и нравы московского и краснослободского купечества, устройство и модернизацию производства на текстильной фабрике В. А. Лыжина в Ивантеевке. Также автор говорит о роли архитектора Л. Н. Кекушева в проектировании фабричного комплекса, дома Лыжина в Ивантеевке и своего дома в Мамонтовке. С любовью и вдохновением А. И. Ермаков пишет о строительстве собственной дачи и жизни на ней. Текст сопровождают фотографии и документы из семейного архива.

Содержание

Предисловие	5
Детство	8
Приезд в Москву. Жизнь у Мосолова и Ежова	21
Жизнь у Шульца	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Подлинные записки Алексея Ивановича Ермакова

А. И. Ермаков

Подготовка текста к публикации, предисловие, комментарии, дизайн обложки Варвара Александровна Ермакова

Корректор Елена Васильевна Крамарева

© А. И. Ермаков, 2018

© Варвара Александровна Ермакова, 2018

ISBN 978-5-4474-8684-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Алексея Ивановича Ермакова старшее поколение нашей семьи называло просто дядя Алеша. Он и был дядей для моего дедушки, его брата и сестер. Алексей был старшим сыном в большой семье Ермаковых. Рано повзрослел и после смерти отца принял ответственность за младших членов семейства.

Автобиографические заметки Алексея Ивановича Ермакова датированы 1936 годом, однако повествование заканчивается началом 1910-х и представляет собой законченную историю успеха: взросление и становление мальчика из провинции от помощника приказчика до успешного предпринимателя.

Позднее, вырастив собственных сыновей и похоронив жену, Алексей Иванович большую часть времени предпочитал жить с семьей своего брата, Павла Ермакова, в подмосковной Мамонтовке неподалеку от собственного дома – шикарной дачи, построенной для него Львом Николаевичем Кекушевым. К тому времени дача была национализирована и заселена посторонними людьми.

Здесь, в мамонтовском доме своих родственников, в 1936-м – в год семидесятилетия Алексея Ивановича, «на память потомству и в назидание» карандашом в тонких школьных тетрадках и были написаны эти воспоминания. Отдельные

фрагменты текста были перепечатаны на пишущей машинке и размножены в нескольких экземплярах среди членов семейства.

Оригинальные тетради автобиографических «записок» были сохранены и несколько лет назад вместе с рядом фотографий переданы его внуком, Борисом Борисовичем Ермаковым, племяннице Алексея Ивановича Татьяне Павловне Ермаковой. Тогда же было принято решение их опубликовать.

Благодаря историям дяди Алеши люди на многочисленных семейных фотографиях сохранили не только имена, но и характеры, карьеры, судьбы.

Алексей Иванович описывает жизнь торговцев текстилем и фабрикантов, быт и нравы московского и краснослободского купечества рубежа веков. Отдельная глава посвящена созданию Товарищества Владимира Лыжина и описывает устройство и модернизацию производства на фабрике В. А. Лыжина в Ивантеевке. Кроме того, автор говорит о роли известного архитектора русского модерна Л. Н. Кекушева в строительстве новых корпусов фабрики, общежитий для рабочих, а так же подтверждает его авторство деревянного дома Лыжина в Ивантеевке (сгорел в 2008 году) и собственного дома в Мамонтовке. С огромной любовью и вдохновением Алексей Иванович пишет о строительстве своей дачи и организации загородной жизни.

Текст сопровождают фотографии и документы из семей-

ного архива. Несколько старых фотографий Краснослободска были предоставлены Анатолием Владимировичем Лютовым.

При подготовке рукописи к публикации для удобства чтения было решено привести текст в соответствие с нормами современного русского языка, при этом мы старались максимально точно сохранить особенности авторского слога, характерную лексику и стиль письма.

Написанные живым русским языком «записки» будут интересны не только специалистам: историкам, искусствоведам и краеведам, но и широкому кругу читателей, всем, кому небезразлична история России.

Варвара Ермакова

24 декабря 1936 года

Дорогие мои дети: Борис, Марья, Леонид и Вероника¹ на память потомству и в назидание хочу изложить автобиографию пройденного пути моей жизни, чего может добиться человек при непрременном условии: честность, трудолюбие и терпение.

---

¹ Перечисляются сыновья автора и их супруги.

Детство

Родился я 23 февраля 1866 года в деревне Жиливо², Московской губернии Коломенского уезда. Отец мой, временнообязанный крестьянин графини Санти, Иван Павлович, и мать, Мария Михайловна, проживали у своих отца и матери – Павла Евсеевича и Василисы Федоровны. Мать занималась крестьянством, а отец жил на стороне, верстах в 700 от этого места, приезжал в деревню очень редко, так что в отрочестве я его не помню. Нас было двое: я и брат Василий.

Дедушка и бабушка нас очень любили и баловали. В памяти сохранилось, как я ездил с ними верхом на лошади; собака Волчок, которая пропадала и вернулась с зайцем; набиваем погреб – дедушка внизу ровнял снег, а мы, надрываясь, кричали, что его там зароят; мать порола за то, что съел без спросу яблоко, приготовленное для какой-то больной, и, так как порка происходила в запертой светлице, а мать, несмотря на стук, ее не отпирала, то дедушка с бабушкой навалились на дверь, сорвали крючок и меня отбили; руку я разбил правую – упал на камень. Долго меня возили к какому-то стари-

---

² Жиливо (Жилево) – деревня в Акатьевской волости Коломенского уезда, ныне сельское поселение Бояркинское Озерского района Московской области. Упоминается с 1558 года. В 1852 году – деревня II стана графини А. Г. Санти и малолетнего графа Л. А. Санти. В 1862 году насчитывала 68 дворов, 625 жителей.

ку-костоправу. Когда он ее вправлял, боль была страшная.

Прожили мы у дедушки до пятилетнего возраста, затем приехал отец и забрал нас к себе, в город Краснослободск Пензенской губернии, где он служил приказчиком у купца Бажанова. Когда нас везли в поезде, то окружающие спрашивали: «Аль в приемыши взяли, что ребята так надрываются?» И кричали мы на протяжении верст 500 до Нижнего, а затем сели в повозку на лошадях и успокоились. Ехали на длинных – это значит на одних и тех же лошадях 200 верст. По дороге останавливались для кормежки лошадей и на ночлег на постоялых дворах. У мордвов грязь страшная, семьи громадные: старик-отец и у него – семь женатых сыновей, ребятишек – уйма. Меня удивило кормление их: на полу в корыто, выдолбленное из дерева, наливали ведро молока, крошили каравай черного хлеба, и они сбегались со всех сторон, слезали с печки и становились у корыта на колени учапистовать. Молодуха подливала молока и крошила хлеба, пока не наедались досыта.

Сколько же скота у них было! Громадные крытые дворы: рогатого скота сотни, лошадей 50 штук, а овец, свиней, кур, гусей, уток – не перечесть. Хлеб стоял в одоньях немолоченный лет по десяти. И все это огромное хозяйство управлялось стариками – отцом и матерью, воля которых для всей семьи была беспрекословна.

Приехали в Краснослободск. Город стоит на высокой го-

ре, внизу большая река Мокша, много церквей, чему очень рада была мать – религиозная женщина. В деревне она очень скучала об этом. Церковь была на расстоянии пяти верст в селе Васильево. Поместились на квартире у хозяина в молодцовской – так называется комната, где жили приказчики. Обедать ходили на хозяйскую кухню, куда пришла и хозяйка посмотреть на приезжих. Погладила нас по голове и оделила пряниками, а мы, дикари, все прятались за спину матери и даже не поблагодарили ее, за что мать, придя к себе, нас ругала. Меня хозяйка поразила тем, что была очень бела и нарядна. После мы с братом выходили на двор и дожидались, когда она начнет кричать с крыльца кучеру тонким голосом, надрываясь: «Николай! Ай! Ай! Запрягай! Ай! Ай!» Через несколько минут ей подавали рыжего рысака в коляске, и она уезжала.

Вид Краснослободска со стороны реки Мокши. 1910-е

Первое наше знакомство, когда мы жили у хозяина, было с монахиней, которую звали мать Манефа. Она была в монастыре закупщицей и большой приятельницей отца. Лавка, где торговал отец, имела все: от дегтя до бархата. Она любила выпить, и отец всегда наливал ей бутылочку лиссабонского вина. Этим же страдали многие монахини, так что, приходя в лавку и не застав отца, они навевывались несколько раз, других же продавцов они стеснялись. И вот эта-то Миневна в городе была каждый день и, разделавшись с покупками, заходила к нам пить чай, приносила игрушки и гостинцы. Мать всегда готовила самовар. Ждали ее всегда с нетерпением и на дворе еще кидались к ней на шею, и часто, не выдержав тяжести, она валилась на пол, и мы ее с поцелуями

поднимали на ноги.

У хозяина жили месяца три, пока обзаводились необходимыми принадлежностями для домашнего обихода. Сняли квартиру у Макулова – особнячок (33 рубля в месяц), имевший одну комнату с русской печью и передней. Отец наносил нам много игрушек – разных зверей, и мы, забравшись с братом на печку (на полу было холодно), проводили там целые дни. Часто приходили к нам хозяйкины дочери Маша и Лиза – девицы уже в возрасте, мяли и целовали нас без конца. Ребята мы были интересные: толстые, краснощекие, называли нас «огурчиками». Прожили у них одну зиму, весной переехали на новую квартиру к Тихомирову. Квартира была уже в три комнаты. Семьи прибавилось: родились брат Митроша и сестра Таня. Митроша вскоре умер. Мать, пока он лежал на столе, не спускала с него глаз, прощаясь с ним навсегда.

Была у нас нянька – девочка лет пятнадцати, и вот, когда мать отлучалась куда-либо, поднимали мы такую войну! Пускались в ход валенки, подушки; квартира представляла разгром. Ну и попадало же нам за это!

Неподалеку от квартиры был овраг, а через него мост – по бокам балясник. И вот любимым занятием было ходить по баляснику, рискуя сорваться и упасть в овраг. Один раз кто-то из знакомых отца увидел наши проделки, сообщил ему. Здорово же попало нам за это!

Невдалеке был пруд, часто ходили туда ловить раков. Один раз брат Вася сорвался с моста и юркнул в пруд, а я, вместо того чтобы помочь ему, испугался и бросился бежать домой. Хорошо, что кто-то из проходивших по мосту увидел и вытащил его (он уже захлебнулся водой), откачал и принес на плече домой.

Любили кататься на коньках: делали скамейки, обмазывали теплым коровьим калом, поливали водой, замораживали. Катались с гор по несколько человек сразу.

Отвели меня учиться в приходское трехклассное училище. Поступил в первый класс, учился хорошо, перешел во второй класс, проучился полгода и за хорошие успехи был переведен в третий класс, который окончил с похвальным листом. Поместили меня в уездное трехклассное училище, которое тоже окончил с похвальным листом, имея 12 лет отроду.

Семья у отца все прибывала, ребята родились через каждые полтора года.

Имел хороший голос – альт, пел на клиросе в духовном хоре, немного зарабатывал, получая по разворотке за свадьбы и отпевания.

В городе открылась прогимназия. Отец, не имея возможности учить нас двоих, учились оба хорошо, предложил кинуть жребий: кому учиться, кому служить. Служить жребий выпал мне. Отец написал письмо в Москву своему дальнему родственнику, не возьмет ли меня в услужение. Тот

имел небольшую ручную фабричку и торговлю. Ответ получен был благоприятный, и участь моя была решена, несмотря на то, что мне очень не хотелось. Ночью я плакал, молился, чтобы миновала меня чаша сия. Детство мое кончилось.

Хочу еще продлить счастливые воспоминания.

Краснослободск. Вид на Смоленскую церковь с Татарской улицы. 1910-е

Тихомиров, наш квартирный хозяин, мясник по профессии, скупал баранов, откармливал их в лугах и лесах, и мы с его ребятишками стерегли их. Весело было: пекли картошку, играли на свирели. Часто ходили в садки мужского монастыря к Спасу. Монахи были приятели отца, угощали ягодами, фруктами, чаем, сливками. Особенно усердствовал са-

довник и закупщик отец Сергей, архимандрит. Старичок, любитель голубей, посылал нас на голубятню выбирать, какие нравятся нам голуби. Наловили целую корзину – оделял монастырским печеньем и, благословив, отправлял домой на монастырской лошади. Здесь я впервые увидел павлина. Мне сказали, что это райская птица. Красота их меня поразила, да и вся обстановка монастыря – такая чистота, тишина, смирение, ласковость, изобилие цветов, – действительно, точно рай.

Краснослободский Спасо-Преображенский мужской монастырь. 1910-е

Не забуду еще игуменью Фатинью, настоятельницу женского монастыря. На Масленицу присылала за нами тройку

лошадей в обшивных санях, покрытых бархатным ковром. Катились по городу на гулянья, ехали к ней пить чай. И чего только не было за столом: разные сорта варенья, сдоба, печенья, конфеты! И это все благодаря тому, что была она приятельницей отца, без его совета не делала ни одного дела.

Вспоминаю кулачные бои, каковые происходили на Масленицу. Дрались с одной стороны мещане и купцы, с другой – крестьяне. Начинали мы, мальчишки, часов в двенадцать дня, а затем, часов с двух, бои разгорались – вступали семинаристы и мужики. Один из боев врезался мне в память. Наблюдал я его с чердака, из слухового окна. Купцы наняли известных бойцов из села Горяша – братьев Лютовых: семь братьев и старик-отец. Пришли они в город с утра и угощались в трактире, поставили им полведра водки. Мужики об этом узнали и собрались в громадном количестве. Бои начали по обыкновению мальчишки, затем вступили большие. Мещан погнали через Мокшу. Услыхав, что у мужиков такая сила, купцы, катавшиеся на гулянии, сбросили с себя шубы, и, несмотря на протесты жен, подъехали к месту боя. Тут были известные силачи Шарашкины, Каверины. Мещан гнали по назвозу по направлению к уездному училищу. Лютовым сообщили, и вот они трусцой прибежали и выстроились у колодца против уездного училища. Старик командовал, чтобы сыновья стояли в линию, ни шагу вперед, ни назад. Бой все приближался. Шарашкиных и Кавериных

свалили. Старичишка-пономарь с криком, что никогда этого не бывало, чтобы Каверины не остановили, бросился в бой, но его, как пушинку, перебросили через Лютовых. Докатились и до них, но сшибить их было трудно, навалили они впереди себя целую груду тел. Старика кто-то ударил по лицу гирей, кровь из него хлынула, но он стоял и клал впереди себя тела. Так и не смогли мужики дальше продвинуться. Так бой и закончился.

Вспоминаю встречу архиерея. Ехал он из губернского города Пензы (расстояние до Краснослободска 200 верст) со свитой: певчие, протодьякон и иподьяконы, несколько троек и карета владыки впереди. Становой со стражниками объезжал епархию, ждали – готовились – чистились, наш хор должен был петь на левом клиросе. На колокольне собора сидел звонарь и зорко смотрел, чтоб при приближении к городу ударить *во вся*³, а также на других церквях тоже дежурили звонари. Ждали уже несколько дней, но владыка где-то задержался. Вдруг вечером часа в 4 раздался удар в колокол в соборе, подхватили и другие церкви, и пошел трезвон. Народ весь бросился к собору на встречу. Кучер протопопа ехал на Мокшу за водой, протопоп-старик бежал по улице, запыхался, догнал кучера, вскочил на водовозку, понесся вскачь, держась за бочку, камилавка от ветра слетела, волосы длинные развеваются, кричит: «Наддай! Наддай!» Ку-

---

³ Здесь и далее в тексте подчеркивания автора.

чер все время стегают лошадь вожжами. Прибежали к собору, духовенство уже облачилось в ризы, дьякон махает кадиллом. Оказалось, что приехали только свита и певчие, человек шестьдесят, Владыка же остался ночевать у Пем <...> верстах в 20-и от города – прибудет завтра. Смеялись над протопопом – он охрип от крика, погоняя водовозку. Это был наш законоучитель Петр Афанасьевич Покровский, хороший старик, над которым мы зло проказничали, настригая ему волосы в чернильницу: ставя отметки делал кляксы, ругался страшно, стыдил, усовещивал.

На другой день часов в 9 утра опять зазвонили во вся во всех церквях. Народ бросился отовсюду к собору. Владыка прибыл в карете. Впереди на тройке становой стоя, стражники верхом на лошадях, на паперти все городское духовенство в облачении. Вышел из кареты высокий благообразный старик в шелковой голубой рясе. Под руки повели его иподьяконы. Протодьякон с кадиллом, громадного роста, ворчит молитвы. Поставили его на высокий помост, устроенный среди храма, началось облачение. Певчие одеты в малиновые кафтаны. Наш хор на левом клиросе. Мне хорошо видно. Как грянул хор «Ис полла эти Деспота», у меня душа ушла в пятки. Вся церемония архиерейского богослужения произвела на меня громадное впечатление. Когда вышли три исполатчика⁴ в стихарях и запели «Святый Боже»,

---

⁴ Исполатчик – солист церковного хора, более высокооплачиваемый, нежели рядовой певчий.

я был на седьмом небе. Если сравнить пение нашего и архиерейского хора, мы были ничтожеством. Обедня прошла у меня, как в огне. Много после видел архиерейских богослужений в Москве, но такого впечатления на меня не производили.

У Спаса в лесу лазил на высокие сосны за вороньими яйцами. На верхушке ветер качает, как на качелях. Жутко, но весело! Один раз мальчишки украли сапоги, пока я лазил на гнезда, домой пришел босиком. Мать журила сильно, хотя сапоги на другой день нашлись – принесли родители того мальчика, который их стащил. Я был большой любитель гусей содержать, гусынь – на яйца. Следить за выводком – это уж я никого не подпущу. Один раз поехал к товарищу – он жил у нас на хлебах, верст за семь от города – на Пасху в гости на неделю, а у меня гусенята выводились. День прожил, а ночью такой поднял плач, что отец мальчика принужден был привезти меня обратно. Счастливое детство! Дожил до семидесятилетнего возраста, а как будто это было вчера.

Наконец и наступил роковой день моего отъезда в Москву. Это было осенью 1878 года. Слез при прощании с матушкой, братьями и сестрами пролитых было без конца. Вынесли меня в повозку, без памяти плакал я на протяжении 180 верст до Ломова, так что у отца была мысль: если не успокоюсь до железной дороги (оставалось 20 верст), то вернуться обратно, но я, видимо, уже выплакал все слезы, за-

тих. Отец порадовал меня, что заедем к дедушке с бабушкой погостить. Это развеселило меня. Видно, воля Божия, что не суждено мне жить в родном гнездышке. У дедушки прожили с неделю. Волчка уже не было, утащили волки. Обегал я все знакомые овражки, где когда-то резвился. Побывали у всех родственников, все жалели меня, мало слов!

Приезд в Москву. Жизнь у Мосолова и Ежова

Вот и Москва! Какой громадный город! Сколько народу! И все куда-то спешат! Приехали к родственнику. Жил он в Преображенском на Генеральной улице⁵, в доме Белозерова. Семья его – жена молодая третья и три девицы от второй жены – пригласили нас обедать. За столом я себя чувствовал неловко, все они такие затянутые, на меня не обращали внимания. Просидел я весь обед молча. Отец переговорил с хозяином (звали его Мосолов Василий Иванович), распростился со мной, благословил. Велел всех слушаться, дал 3 рубля на марки, чтоб чаще писал письма, и уехал.

Хозяйка, звали ее Варвара Николавна, поинтересовалась, какие у меня вещи. Я открыл чемоданчик, где лежали 4 пары белья, полдюжины носовых платков, полдюжины чулок, 4 полотенца, небольшая иконка Казанской Богоматери. Указала в коридоре сундук горбатый, прикрытый ковром: «На нем ты будешь спать. Горб заложи своим чемоданом, подушку, одеяло и простыню я принесу. Обедать и чай пить будешь на кухне с кухаркой. Помогай ей чистить ножи и вытирать посуду, а с Василием, это ее муж, поедешь завтра в го-

---

⁵ Генеральная улица в 1926 году была переименована в Электрозаводскую улицу.

род».

В 7.30 утра мы с Василием Ивановичем поехали в город на конке. Станция стоила 3 копейки, до города было верст 12, за три станции проезд стоил 9 копеек.

Лавка была в ветошном ряду – это был длинный ряд лавок, ширина между ними была не более 12 аршин. Посередине проходила водосточная труба, покрытая чугунными плитами. Лавки холодные, двери открыты наружу. В ряду народу толпилось очень много. Тут были и приказчики, и покупатели, и разносчики, продававшие всякую снедь. Еда и чаепитие происходит тут же. Покупаешь жареной колбасы на 5 копеек и белый хлеб за 3 копейки – и сыт. На обед выдавали 10 копеек. Палатка наша, где торговали, длиною 8 аршин, шириною 5 аршин, была на втором этаже. На полках лежало несколько кусков шерстяной материи своего производства. Товару было всего рублей на тысячу. Покупателей ловили проходящих по ряду, так что все время приходилось стоять внизу в ряду и зазывать их, схватывая за рукав, за что часто получал от них тумака. Ему и товару-то не нужно, а ты его тащишь.

У Мосолова был компаньон Ежов Иван Федорович, который заведовал торговлей, а сам он заведовал фабрикой, в город ездил редко. Я поступил в науку к Ежову. Парень был видный, лет сорока, любил выпить, большой бабник, несмотря на то, что недавно женился и имел уже двух девочек: одного года и двух лет. Жена его Варвара Семеновна лет двадцати

пяти, красивая блондинка. Жили они вместе с нами в Преображенском, в доме Белозерова. В одной квартире с Мосоловым жила с ним мать его – бабушка Дарья. Ворчливая старуха, допекала меня. Не успевал прийти из лавки, а она уже зовет, чтобы понянчил ребят. Так что мне приходилось обслуживать две семьи.

День начинался так: вставал в 6 часов утра, чистил хозяевам сапоги и одежду, которые лежали у дверей спальни на стуле, затем пил чай с черным хлебом на кухне с кухаркой; бабушка Дарья вручала 30 копеек на проезд и обед, давала поручения купить ей то сосков для ребят, то ниток-иглок; отправлялся в город, садился на конку наверх (внизу проезд стоил 5 копеек), бывало, здорово мочило дождем. В город приезжал часам к девяти. Вскоре приезжал Ежов, отпирали палатку; я выметал пол, попрыскав водой, отряхивал венчиком пыль с товара, стирал пыль с прилавка, отправлялся за кипятком с чайником в «Бубновскую дыру»⁶, где кипятился куб, пили чай с Ежовым, затем оба спускались вниз в ряд

---

⁶ Бубновская дыра – так называлось подвальное помещение трактира Бубнова, который находился по адресу Ветошный переулок, дом 7. «Помещение „дыры“ состояло из большого подвала с низким сводчатым потолком, без окон, перегороденное тонкими деревянными перегородками на маленькие отделения, похожие на парходные каюты. В каждом таком отделении, освещенном газовым рожком, стоял посередине стол с залитой вином грязной скатертью и кругом его четыре стула. Другой мебели там не было. В этих темных, грязных и душных помещениях ежедневно с самого раннего утра и до поздней ночи происходило непробудное пьянство купцов» (Романюк С. К. Из истории московских переулков. М., 1988).

ловить покупателей. Иногда торговали в день рублей на 300, а часто бывали и без почину. Весь день стоишь в ряду, там же закусываешь и пьешь чай зимой! Очень холодно, отморозил щеки, нос и руки. Чтобы согреться, протягивали по ряду веревку, тянули – веревка обрывалась, валились на пол, качали друг друга за головы, иногда некоторые так увлекались, что и дрались, захлестывали жидов веревкой, стон стоял в ряду.

Помню разносчика, кричащего «Прохладительный баварский квас»⁷, и стоило ему крикнуть «Тпру теща», как он начинал ругаться, чем вызывал смех всего ряда. Так проходили дни. Ежов больше сидел в Троицком трактире, грелся за графинчиком, а обо мне и забывал. Лавки запирались, сторожа кричали «Запирать! Спускаем собак!», а я все дрожу в ряду. Случился звон Спасских часов, вот уже проиграли «Коль славен наш Господь в Сионе», а его все нет. Плачу, лавку бросить нельзя, прошу сторожа сходить за ним в трактир; приходит, запираем лавку; промерзнув, бегу домой пешком. Согрелся и гривенник сэкономил.

Вечером хозяева пообедают, мы тоже. Начинается мытье посуды. Кухарка моет, а я вытираю тарелки, чашки, ножи и вилки, а там бабушка Дарья кричит: «Олеша, иди скорей! Где ты запропастился? Помоги качать ребят, а то я совсем измучилась». Иду, в душе ругая эту старую ведьму. Иногда, качая ребят, я сам засыпал. Большого труда стоило стару-

---

⁷ Баварский квас – квас из красного ячменного солода, пшеничной муки и па-токи.

хе разбудить меня. Ребята орут, а я сплю. Попадало сильно за это.

Не забуду один случай. Мосолову один знакомый предложил купить куль угля подешевле. Торговал он верст за 7 от нашей квартиры, в Доброй Слободке⁸, и меня послали привезти его на ручной двухколесной тележке, и я, везя уголь, до того надорвался, что напустил полные штаны. Привезя домой, сложил куль в сарай, а штаны вместе с содержимым бросил в выгребную яму, чтоб не быть осмеянным. Принес ведро воды, вымылся, надел чистое, так никто и не узнал об этом случае.

Молодые хозяйки меня любили: я всегда точно исполнял их поручения, покупал в городе им тесемки, нитки, конфеты. Один раз писал письмо матери, входит хозяйка и спрашивает, кому пишу. Я говорю: «Матери». – «Давай припишу», – пишет, что я очень хороший, послушный мальчик, внимательно исполняю все их поручения. Мать над этим письмом много плакала.

Приезжали наши краснослободские купцы, я ходил к ним в номера. Останавливалась и чижовская подводка на Никольской, продавал им свой товар. Один раз продал на 350 рублей. Получил деньги сотенными, принес. Хозяева были в восторге, взяли меня в Сокольники на гулянье, угощали апельсинами, яблоками, плюшками, чаем и сказали,

---

⁸ Добрая Слободка переименована в улицу Машкова.

что из меня толк будет.

Фабрика наша размещалась на дворе здесь же, бегал туда смотреть, как работают шерстяную материю. Рабочих было человек двадцать, ткали вручную, для ткани рисунок нужно было выбивать кордон. Я этим делом заинтересовался. Мастер скоро научил меня, чем и избавил меня от нянченья ребят с бабушкой Дарьей. И вечерами, придя из города, я отправлялся в контору фабрики, за выбивкой кордона проводил вечера. За эту работу нужно было платить кордонщику, я же делал эту работу даром. Это же меня избавило от вытирания посуды и чистки ножей и вилок. Из коридора с горбатым сундуком я был переведен в комнату мастера – он был холостой. Жили вдвоем, поставили мне железную кровать с набитым сеном тюфяком. Жизнь мне улыбнулась. Днем в городе, вечер в конторе. Пред бабкой-кухаркой я ходил козырем, показывая язык.

Дела у нас шли неважно, мы не могли конкурировать с более сильными фабриками и медленно прогорали. Поехали на Нижегородскую ярмарку, помещение сняли пополам с суконным фабрикантом Шульцем. Познакомился с его приказчиком, в свободное время помогал им убирать товар, ходил за обедом с судками в столовую. Товаром мы на ярмарке распродавались вчистую, но вырученных денег на уплату долгов не хватило, и у нас описали за долги фабричное имущество: станки, сновальни и все прочее. Торговля ликвидировалась. Прожил я у Мосолова и Ежова полтора года.

На ярмарке мы получили с одного купца за долги лошадь-полукровку за 300 рублей, и мне пришлось ее везти в Серпухов к тестю Мосолова – купцу Плотникову. Взяли товарный вагон, купили пудов 10 сена, пудов 5 соломы для подстилки, парусиновое ведро, отгородили в вагоне половину балясиной и нагрузили, наказав мне, тринадцатилетнему мальчику, кормить и поить ее. Как только прицепили вагон к паровозу и тронулись, лошадь начала биться и прыгать, того гляди перепрыгнет через балясинок. Я в ужасе кричу: «Тпру! Тпру!» – ничего не помогает. Ну, думаю, пропал! Убьют! Плачу, кричу на лошадь. Побесилась-побесилась, успокоилась. Вагон остановился, меня завезли куда-то на запасной путь. Долго я там стоял, озяб, зарылся в сено, вдруг крик: «Где ты, черт, тут?» Поезд ушел, а про меня забыли и уже спохватились на следующей станции, недосчитались одного вагона. Прицепили к паровозу и понеслись догонять состав. Много перетерпел я горя в пути. На станциях стояли долго, лошадь нужно поить. Из вагона выпрыгнешь, а влезть туда с водой никак не ухитришься. Хорошо, что в составе было несколько вагонов со скотом, провожатые помогали мне. На десятые сутки прибыли в Серпухов, где ждал меня приказчик Плотникова. Выгрузили, повели лошадь, привели, на двор высыпали хозяева. Глядя на меня, жена Плотникова, пожилая женщина, заплакала. Я был весь в грязи, не умывался 10 дней и жил на одном хлебе и воде.

Дали возможность вымыться, переменить белье, пригласили обедать с собой. Все расспрашивали, как это я в дороге, такой малыш, справился с лошадыю. Две девицы ее, Катя и Лиза, за столом, слушая мой рассказ, все плакали.

Прожил я у них, отдыхая, пять дней. По вечерам играли для меня на баяне очень хорошо, пели песню «Чувиль, мой Чувиль» и другие. Я тоже принимал участие. Альт мой хорошо звучал в зале, и весело прожил я эти дни в этой семье. Проводили меня в Москву как близкого, родного. Приехал, рассказал своей хозяйке, какие у нее хорошие родители и сестры.

Дело наше кончилось. Мосолов и Ежов поступили на места, обещались и меня устроить, но пока нужно подождать.

Жизнь у Шульца

Я пошел как-то в амбар к Шульцу. Торговал он на Ильинке в доме Иосифовского монастыря⁹. Увидел приказчика его, Широнина Николая Владимировича, которому я помогал на ярмарке, и рассказал про себя, что я без дела. Он говорит: «Подожди, я устрою тебя к себе, лишь поговорю с Шульцем, а ты приходи дня через два». Пришел, представил он меня Шульцу – немец лет 50-и, плохо говорит по-русски. «Ну что же, – говорит, – мальчик, иди ко мне служить. Жить будешь у моего зятя, Петерса Иосифа Игнатъевича, на Маросейке, в Спасо-Голенищевском переулке». На другой день утром я собрал свои пожитки, сел в конку, прибыл в квартиру Петерса. Жена его, совсем еще молодая Мария Николаевна, указала мне место на кухне на сундуке, где я буду спать. Тут же помещались две ее прислуги – кухарка и горничная. Тут я и поселился.

Квартира, которую занимал Петерс, была большая – пять комнат, одну из которых занимал Шульц. Он жил на фабрике в селе Сетунь по Александровской железной дороге, ездил в Москву на лошади. Зимой ноги вставлял в меховой мешок, чтобы не застудить. Квартира была во втором этаже, отапливалась голландскими печами, и вот мне-то пришлось

---

⁹ Иосифовское монастырское подворье было построено силами монахов Иосифо-Волоцкого монастыря в 1883 году по адресу улица Ильинка, дом 7.

носить дрова. Дровяной сарай был далеко, саженой 150. Я приспособил веревку, носил на спине полен по 16, нош делал ежедневно не менее 8—10, укладывал на площадке черного хода, а в комнаты уж носила горничная. Она и топила печи. Трудно было.

Один помню случай. Попросился я съездить к дедушке в деревню на Пасху. Отпустили, но с условием, чтобы натаскал дров на целую неделю. Осилит. Вставал в 6 утра, носил в течение двух недель Великого Поста ежедневно нош по двадцать пять. Придешь в амбар весь мокрый, точно искупался. В амбаре помещение было теплое, стояла печь кирпичная с железной трубой. Приходилось колоть дрова и топить мне.

Суконное дело я усвоил скоро, узнал сорта товаров. Работали больше картузное сукно дешевого сорта и шивьет. Учился, как заниматься с покупателями. Ходил и к своим краснослободским купцам в номера, приводил их иногда и продавал. Широнин мною был очень доволен, но хозяева меня совсем не замечали. Шульц ездил на фабрики один раз в неделю, а зять Петерс совсем не понимал русский язык, учился говорить. Иногда комичные были сцены. Он мне говорит что-то, а я, вытаращив на него глаза, смотрю и ничего не понимаю, так и разойдемся. Жена его Мария Николаевна пробовала меня учить по-немецки, но ничего не вышло, не хватило у нее терпения.

У Шульца была экономка Варвара, молодая красивая ба-

бенка, часто ездила в город за покупками, продовольствие заказывала к нам в амбар и все расспрашивала меня, не ходят ли к барину ее какие-либо женщины, и раз уговорила его, чтобы он привез меня на фабрику. Угощали меня на славу. Прогостил у нее дня три, ходил на фабрику, смотрел, как работают сукна. Производство было машинное, меня очень интересовало. Очень наказывала, чтобы я смотрел за баринном, и чуть что замечу, сообщить ей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.